

Новая газ. - 2003 - 5-4 мая - с. 20-21.

Это был самый необычный из разговоров с актерами: о прижизненной реинкарнации, о СПИДе, о музыкальном звучании корней... и о кино, которое лишь одна из разнообразнейших сфер творчества женщины, строящей мост. Между Россией и Америкой. Между собой и своими детьми. Между здоровыми и отверженными обществом, обреченными людьми.

Со стороны жизни Наташи, видимо, делится на четыре периода. Сначала была Андрейченко «Сибириады» — фантастическое открытие Андрыона Кончаловского. Щекастая, поразительно красивая девушка с перекинутой через плечо косой летела на качелях над Сибирью, над Россией, олицетворяя собой тип кустодиевской женщины... Андрейченко тогда снималась много, и зрители

— Если все объяснять с материалистической точки зрения — получится примитивно. Тут без эзотерической сферы не обойтись. Да, была одна Андрейченко — вдруг похудела. Почему? От диеты, что ли? Да ничего подобного! Просто нужен был некий толчок, в результате которого изменится и твоя жизнь, и ты сама. Я называю это прижизненной реинкарнацией.

(Наташа не уточняет: почти прижизненной. Дело в том, что в тот момент она перешагнула черту края, испытав клиническую смерть. Увидела себя со стороны, издали. И, вернувшись оттуда, не могла не измениться.)

Мне обидно, когда говорят, что я уехала. Ребята! Я вроде никуда не уезжала. Да, была там какое-то время. Наверное, лет восемь из семнадцати моего замужества. С момента, когда я вышла замуж за Максимиллиана, и до рождения ребенка я чувствовала себя совершенно свободно. Первые пять лет мы лишь встречались с ним. Причем гораздо чаще он приезжал сюда. Когда мы путешествовали со спектаклем Анатолия Васильева «Серсо» по странам и континентам, к нам присоединялся Максимиллиан. Сразу после замужества я снялась в пяти картинах, среди которых «Прости», «Марица» и «Леди Макбет». Делала кульбиты в «Серсо» до семи с половиной месяцев беременности. Последние спектакли отыграла в Берлине — живот уже мешал.

— Театр Анатолия Васильева — для избранных, узкий круг лицедеев, страшно далеких от народа. Как вы попали в сию когорту?

— Удивительную роль в моей жизни сыграл замечательный актер Саид Багов. Он взахлеб рассказывал о Васильеве. Я посмотрела «Вассу», «Взрослую дочь...», была потрясена и разволновалась, когда Саид предложил познакомиться с режиссером. Поняла: вот то, что тебе необходимо. Мне 24 года. Формально уже звезда и нещадно эксплуатирую багаж, который мне дал Сергей Федорович Бондарчук. Дал много. Но и работала я уже с семнадцати лет. К окончанию ВГИКа сделала пять больших фильмов. Так что эксплуатация шла полным ходом. Понимаю, что я уже на линии падения. Еще чуть-чуть — будет поздно. Встретившись с Васильевым, стала умолять взять меня. Он посмотрел сквозь прищур: «Зачем тебе это нужно, ты уже звезда. Работы и так полно». Потом бросил неопределенно: «Может быть...». И исчез на год. Через год всплывает: «Не хочешь вестись в последний вариант «Вассы...»? Посмотрим, как освоишься, как будешь существовать в спектакле. Если у тебя, кинематографической уродки, что-то получится...». Я обрадовалась. Попробовала. Ввелась. Сыграла. И он пригласил меня репетировать «Серсо». Так начались мои «васильевские университеты».

— Мне кажется, вы вообще любите учиться. Вот и в Голливуде снова пошли в актерскую школу. Зачем?

— Там совершенно другая школа, другие понятия. Идея подготовки студентов — job — получить работу. На кастинг надо идти во всеоружии, знать, как правильно себя вести, быстро прочитать текст, разобрать его, быть органичным,

владеть техникой. Это и называется — профессия. В школе Ли Страсберга можешь встретить величайших людей, порепетировать, к примеру, с Мишель Пфайфер...

— Парашие на олимпиаде тоже сидят за партами?

— Конечно, если есть перерыв между съемками, стараются не потерять профессию Репетируют с педагогами отрывки, учат тексты. У Ли Страсберга пять сцен, вечером люди приходят смотреть, оценивать. Это и называется обязательный тренинг. Я продолжала изучать язык, занималась со специальным педагогом по удалению акцента, по технике дыхания. Все му переучивалась заново.

— В основном голливудские актеры работают «по методу», по системе Станиславского. В чем разница актерской работы, помимо специфики площадки, специальных комфортных вагончиков, закрепленных за звездами?

— Там никто ни с кем не будет цапкаться. Никогда не забуду, как мне в 18 лет режиссер Кончаловский сказал: «Может, и буду снимать тебя в «Сибириаде», но как устал я со всеми вами возиться! Хочется профессионалов, которые пришли играть, а не учиться». У нас принято на площадке натаскивать, актеры приходят «замороженными»: шас мы тут под шумочек разберемся, текст повторим, мизансценочку простроим. Там такое невозможно. Почему интересен момент кастинга? Актер приходит на пробы не только с готовым текстом — он приносит свою концепцию роли. Режиссер выбирает. Голливуд — профессиональная машина. Режиссеру остается сказать: «Мотор!» и «Стоп!». За него все сделают. Сценарий подшивается в конце каждой страницы, попробуй изменить в этой библии хоть слово, мизансцену, свет. Все заранее согласовано. Оператор называется director of cinema, а не какой-нибудь «камермен». В ответе за монтаж режиссер по монтажу. В Голливуде, может быть, лишь Спилберг да иногда господин Милош Форман имеют право на последний монтаж. Обычно это право у студии, у продюсеров. Режиссер — фигура важная, но мифическая; сидит и концептуально смотрит, что ты привносишь. Бывало, что я пугала режиссера. И своим видением, и своей энергией.

— Вам было нелегко...

— Понимаете, почему трудно? Потому что выбора не было. А если был, то из узкого спектра, который тебе предлагают. Во-первых, из-за акцента. Русского акцента у меня нет, от него я избавилась. Среднеевропейский, очень незаметный. Но роли истинных американок играть не могу. Педагоги твердили, что с абсолютным музыкальным слухом я легко выйду на уровень «чистоговорения», и мне так казалось... Но в какой-то момент я прервала этот про-

цесс. Чем больше работала над языком, тем больше понимала мудрость поговорки language is attitude — «язык и есть отношение». К миру, твоему месту в обществе. Полное освобождение от акцента — это не кропотливые занятия слогами и скороговорками — другое: ты жуешь сквозь зубы слова, кричишь открытым звуком, то есть внутренне становишься американкой. Хочу ли я этого? Ведь в этот момент я теряю себя. Не слишком ли это большое жертвоприношение? Я испугалась, решив не рваться в тот рынок, остаться европейской актрисой. Своих соотечественниц я перепитала немерено в кино, на крупнейших телеканалах. И ни за один проект мне не стыдно.

— Но все-таки почему австралийцы, ирландцы, новозеландцы в отличие от русских приживаются на голливудском олимпе? Они — конвертируемы, мы — нет. Неужели дело только в языке?

— Давайте вернемся к моей истории, и я отвечу на вопрос о конвертации русских. Вот остаешься ты один на один с лимитированным образом «русской». Теперь давайте посмотрим на идеологию и политику страны. Кто для них русские?

— Как кто? Бандиты, наркоманы, кретины.

— Спасибо, вы сами и ответили на свой вопрос. Хотите — верьте, хотите — нет, огромное количество раз отказывалась от предложений. Когда уже утверждаю, роль приличная. Вдруг меняют сценарий — и моя героиня в начале фильма берет винтовку, чтобы застрелить шестилетнего мальчика. Я этого не могу делать. Наверное, поэтому я — там, где я есть.

— Зато вы снялись в «Маленькой Одессе», удостоенной венецианской награды. Расскажите о режиссере фильма Джеймсе Грее.

— Я случайно оказалась в этой картине. Мне нужен был срочно контракт, доказывающий, что я постоянно работаю. Я не хотела получать грин-карту как жена, что легче. Но я не иду простых путей, так что двигалась по категории «незаявленная личность». Джеймс пришел в наш дом, познакомился со мной и предложил мне сыграть в фильме роль. Надо сказать, в фильме снимались сплошь звезды. Я сразу согласилась. Приходит Макс, а Джеймс ему говорит: «Познакомьтесь, пожалуйста, с актрисой — она будет играть вашу любовницу». Макс растерялся: «Откуда вы знакомы?»

— Мне кажется, что при всем вашем американско-европейском антураже вы более чем кто-либо олицетворяете амплуа «русской бабы». От Насти из «Сибириады» до Любы из «Военно-полевого романа». Просто пришла война, Настя пошла на фронт, а потом ее мочалило, било — она и превратилась в торговку пирогами. Кстати, не Аксины ли вы играли в «Тихом Доне» у Бондарчука? Так обидно, что никто не видел фильм!

Наташа АНДРЕЙЧЕНКО:

к ней привыкли. И вдруг на месте пышной кустодиевской красавицы таинственно обнаружилась лохматая сублиминальная европейская леди. Дело было не в килограммах, улетучившихся, видимо, по мановению ее же, Мэри Поппинс, волшебства. Это была актриса другой психофизики, совершенно иной человек. Погоревав коротко об утрате прежней Андрейченко, зритель немедленно с го-

ловой бросился любить новую, искрометную и элегантную «леди совершенство». Тут Андрейченко возьми да и исчезни. Не куда-нибудь — прямо за океан. В Голливуд. И как нас ни грела мысль, что сам Шелл выбрал нашу, свою, — расставаться было грустно. И вот Наталья Андрейченко вновь развернула бурную деятельность в России. Вообще-то не бурно она не умеет...

шего: «А что ты создал? Назови мне хоть одного соотечественника, который сделал сегодня два-три проекта в Голливуде».

— Наверное, многие спрашивают вас: Наташа, вы вернулись? Где сейчас вы, Наташа?

— Уже можно сказать, что больше в России. В перспективе хотелось бы осесть дома надолго. Но не сразу. Потому

доведут дело до конца. Отдам концепцию, все разработки — делайте сами закрытый Пушкинский парк в Нескучном саду. Ведь у нас суровые климатические условия, какой там Диснейленд, когда осень сменяется зимой, и наоборот. И зачем подменять величайшую культуру Микки-Маусом? Ну не нашлось у меня трехсот мил-

чем могут помочь. Например, президент американского фонда Элизабет Тейлор делает очень много. Умирая от СПИДа, ее друг Рок Хадсон оставил ей приличную сумму, умоляя, чтобы именно она, любимица Америки, озвучила масштаб трагедии. Лиз занималась этим с 86-го года. И осознание проблемы в Америке много ответственнее: на уровне медицины, просвещения. Даже школьники компетентны и образованы.

— Что сегодня происходит в вашей профессиональной жизни?

— Мы встретились с Иосифом Райхельгаузом в его каби-

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ ПОСЛЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

Из личного архива Натальи АНДРЕЙЧЕНКО

Наталья Андрейченко в 80-х была звездой советского экрана. В 90-х оказалась в Голливуде рядом с магическим оскароносцем Максимилианом Шеллом. В 2000-х она снова в Москве...

— Бондарчук и заболел из-за этого. Мечта всей его жизни — поставить «Тихий Дон».

Я играла Дарью, роль трагическая — моя героиня топится. Сергей Федорович приглашал меня еще в русскую версию сыграть Аксиныю. Я не была готова. Но он убеждал: «Вот полюбуйся — сразу почувствуешь себя Аксиной». Все надеялся. Он не хотел снимать никакой итальянской версии. Вдруг получаю уже новый сценарий. Прочитала. Он экранизировал запрещенную версию романа — о свободном духе казачества. Роль Дарьи, в книге небольшая, была великолепно выписана в сценарии. Звонит Бондарчук с извинениями: мол, продюсеры настаивают на звездных именах в главных ролях, и, к его сожалению, Аксиныю сыграет французская звезда с черными кудрями ниже спины. Я прерываю поток извинений: «Сергей Федорович, но я мечтаю сыграть Дарью».

— Но вы так легко перешли в воздушное амплуа «Мэри Поппинс». Как перевоплощаются в английскую леди?

— К моменту возникновения в моей жизни «Мэри Поппинс» я уже девять месяцев проработала с режиссером Васильевым. Становилась другой актрисой. Ведь у Васильева, помимо всего прочего, мы прошли великолепную джазовую школу. Пос-

ле своего классического балета я переучивалась танцевать заново. На Бродвее актеров так воспитывают чуть ли не с детства.

— Потом была Евдокия в высокобюджетном американском «Петре Великом».

— Только успела закончить съемки в «Мэри Поппинс» — тут же, в сентябре, начинаются съемки «Петра Великого» Ларри Шиллера. Путем космического насилия меня сподвигли на эту работу. Я сделала все, чтобы не сниматься. Дело в том, что на меня был написан великолепный сценарий Владимиром Валудким — «Зимняя вишня». Ларри к тому времени собрал огромную группу педагогов. Роль большая, нужно говорить на языке. На уроки я не ходила, Ларри злился страшно, спрашивал: почему? А я вообще не очень-то верила в возможность постановки такого многозвездного фильма — от Оливии до Омара Шарифа — в то время в России. У меня в руках — «Зимняя вишня». Заметьте, как судьба тебя ведет: в сценарии героиня собирается замуж за иностранца. Представляете? Но я надеялась как-то вывернуться, параллелизировать проекты. Но «Ленфильм» и его партийная организация не захотели делить советскую актрису с американцами. Как я рыдала: будто потеряла кого-то близкого!

— В интернете я прочитала, что, когда вы приехали в

Голливуд, набережная была увешана вашими портретами.

— Если бы написание фамилии моего мужа было немного другим — Shell, как заправочная станция, вот тогда это было бы возможно. Слава богу, Макс — не только нормальный, но интеллигентный, высокоинтеллектуальный человек. Не купец — художник. Даже Майкл Дуглас может купить «Оскар» своей жене, но обещать всю набережную ее фотографиями — нет. Пусть пишут что хотят. В интернете, например, создали целый сайт по поводу моего развода, которого нет и не будет.

— Сама об этом читала, только считая неделикатным на эту тему говорить.

— Если бы вы знали, как я от этой пены устала! Расскажу вам, как делаются подставы. На этом лживом веб-сайте — куча липовых подробностей из моей личной, если не интимной жизни. И там же будто моей рукой написано: «Создателям сайта с благодарностью и любовью». Чистая афера и провокация. Какой-то тип задавал мне совершенно другие вопросы. Потом подошли очаровательные девушки, рассказали о том, что работают над сайтом, посвященным Пушкину, попросили желание — так возникла злосчастная надпись. Кстати, на этом же сайте написано: «Карьера в Голливуде у нее провалилась». Так хочется спросить написав-

что дочь в школе за океаном. Я и мотаюсь: 14 часов перелета. От этого так устаешь! Жуткие временные перепады. Но думаю, человек должен находиться в том месте, где голос его слышен. Тем более если ему повезло и он реально может что-нибудь сделать для других людей. В силу своих возможностей.

— Помню, вы пытались поднять проект «Пушкин-ленда». Потом создали фонд в помощь больным СПИДом. Профессии недостаточно?

— Для меня важно отправить информацию. Пусть другие

лионов долларов для этого глобального проекта. Есть распечатанные книги, написанные сценарии. Я ищу людей, которые займутся этим. Создадут, к примеру, новые версии полнометражных мультфильмов по произведениям Пушкина для детей. Вот Голливуд уже готов взяться за Пушкина. Не мы, а они сделают антологию.

— Расскажите о вашем Русском благотворительном фонде исследований СПИДа.

— Я не побоялась получить лопатой по морде. Потому что кое-что пережила. Например, когда в тридцатилетнем возрасте с пика карьеры кубарем летишь и понимаешь, что на хрен никому не нужна. Это потрясающий урок, помогающий почувствовать себя самоё — отдельно от профессии. Что ты есть: без грима, камеры, текста роли? Все, что я ни делала, — всегда руководствовалась интуицией или состраданием. Вот две составляющие. С фондом я лишь озвучивала проблему. Хотя меня останавливали, запрещали. Даже пугали. Насколько лет назад еще никто не говорил в открытую о СПИДе. Бился один Покровский. Надо было, чтобы кто-то публично его поддержал. Шли слушания в Думе, там был весь цвет науки, политики, мне грозили пальцем: «Девочка, ты давай не гони по поводу эпидемии». Я вышла и начала: «У нас в стране беда большая», озвучила все страшные цифры о распространении СПИДа.

— Вы инициировали акцию «Доброта», которая Первого мая прошла в Москве на Гоголевском бульваре. Расскажите о ней.

— Я знаю, что мысль материальна. Человек милосердный не может совершить гадость. 1 мая — Международный день памяти жертв СПИДа, огромное значимое событие для планеты. Своей акцией мы призываем людей задуматься о самом большом сегодня дефиците — дефиците добра. По всему миру проходят благотворительные концерты, люди сами решают,

нет, он дал мне пьесу «Прекрасное лекарство от тоски». И партнером в спектакле должен быть Альберт Филозов, с которым мы работали в «Серсо» четыре года подряд день и ночь. У нас одна школа. Как я могу уйти? За три с половиной недели я абсолютно с нуля вхожу в спектакль. В моей роли 43 страницы печатного текста. Меня спрашивали: зачем ты себе устроила этот ад? Прежде всего — доказать себе, что могу. Мне близка тема спектакля, трагическая судьба актеров, готовых уйти из жизни. И нашедших в себе мужество остаться. Даже если ты выброшен жизнью с подмостков, не востребован. Есть еще один важный проект — музыкальное кино одного французского режиссера. Это ремейк знаменитого фильма «Слова и музыка», в котором играла Катрин Денев.

— Знаю, вы выпустили удивительный диск «Наталья и Гу-у-у-у», в котором звучат корни деревьев.

— Я всегда хотела найти свой собственный звук. Однажды мы брели с компанией друзей по берегу океана. Я рассматривала какие-то коряги, роскошной формы корни, вынесенные на берег океаном, и заметила: «Смотрите, придет какой-то концептуалист — и продаст эти коряги в Музей современного искусства за семь миллионов долларов». Тут подумалось: любопытно послушать: как эти корни звучат? Один из друзей, музыкант, натянул на корягу струну — и мы услышали необыкновенный, незабываемый древний звук. Это был первый инструмент в нашей группе, к нему присоединился «дулицимер», возраст которого насчитывает более тысячи лет. В общем, так создалась команда: половина русских, половина американцев. Вообще я уже давно мечтаю построить мост между странами, в которых живу.

● Лариса МАЛЮКОВА, кинообозреватель «Новой газеты»

ОТСЕБЯТИНА

ЛАРИСА МАЛЮКОВА — КИНОКРИТИК ГОДА

Этим высоким званием Гильдия кинокритиков увенчала обозревателя «Новой газеты» Ларису Малюкову лавры, присужденные коллегами по профессиональному цеху, очень к лицу.

Были ли на церемонии особо отмечены яркость письма, доброжелательность к фильмам (до последней возможной крайности) и ее редкостное трудолюбие, Лариса по столь же редкостной скромности редакции не сообщила.

Поздравляем!

● «Новая газета»